

Не ходи мимо старой мазанки.
Видишь свет из-за ставен забытых?
Здесь сегодня нечистого пасынки
Старой ведьме поют панихиду.

Не пытайся расслышать пение,
Не заглядывай в щель дверную —
Околдуют в одно мгновение,
Так что мать не узнаешь родную.

Что стоишь? Прочь беги, непутевая!
Ночь уже, как бы тетка не вставила...
Ох, головка твоя бедовая!
Что ж ты ленту свою оставила?

Вон — висит на суку березовом.
Эх, далёко ж тебя закинет...
Не реви, не помогут слезы-то,
И не лазай — вторую отнимет!

Кто отнимет? Почто ж ты, глупая,
Песню пела, сплетая волосы?
Что стоишь да глазами лупаешь?
Он узнает тебя по голосу.

Лента синяя путь-дорожкой
Прямиком до крылечка стелется.
Он по ней прокрадется кошкою,
Не уйти тебе теперь, девица.

Со второй косы ленту яркую
Спрячь скорее прочь, закопай в саду.
А придет кто в пору жаркую —
Не смотри в глаза, не зови беду!

А теперь беги, сколько мочи есть!
Спать ложись скорей, да под образá!
И про мазанку чтоб ни слова здесь!
И на темный лес не коси глаза!

Глава 1

— Не, не туда, здесь обойдем. — Сашка обогнул приветливую тропинку и спустился на пыльную дорогу. — Это чертовы столбы, не ходят под ними.

Глаша остановилась и задрала голову. Сучковатый деревянный столб, точно огромный лось, стоял, расставив ноги и намотав провода на рога, и чуть клонился в их сторону.

«Да, под таким и в самом деле ходить не стоит, вон как накренился, еще на голову свалится».

Глаша попятилась и вслед за братом спустилась на дорогу. В босоножки сразу же набилась мелкая колючая пыль. Глаша вздохнула и с сожалением посмотрела на тропинку.

— Не, ты даже не заглядывайся туда. — Сашка остановился, дожидаясь сестру. — Вон еще один такой же, и вон там. Чертовы столбы, нечистая тропинка под ними. Прямо к Хожему в лапы уведет.

— К кому? — Глаша взгляделась в узенькую, заросшую травой полоску земли между столбовых ног. Ветерок гладил запыленные стебли, и почерневшее книзу дерево точно омывали маленькие, прохладные волны.

— Тьфу, навязали бестолковую на мою голову! — проворчал Сашка. — Третий год здесь бываешь, а про Хожего спрашиваешь. Это у нас тут главный среди нечистых. Вон там, в роще живет. — Брат махнул рукой в сторону реки. — Ходит по деревне, коров портит да девок с собой в лес зовет. Если кто выйдет на его голос, назад уж не воротится. А сейчас и вовсе поселился тут, в заброшке.

Глаша посмотрела, куда указывал брат. Вдалеке миражом качался в укутавшей деревню пыли обрывистый речной берег, а на нем — реденький перелесок в три березы. Отсюда было не разглядеть, но Глаше казалось, что ветки деревьев качает сильный ветер.

— Там, небось, прохладно. — Она сорвала с головы шляпу и принялась обмахиваться.

— Ага, как в могиле! — Сашка отобрал у сестры шляпу и нахлобучил ей на голову, потом наклонился к придорожным кустам и сорвал широкий ворсистый лист. — На, лучше лопухом обмахивайся, а шапку не снимай, мигом голову напечет, мне мамка потом вставит по первое число.

Глаша поморщилась, попыталась взмахнуть листом, но только нагнала полные глаза пыли.

Сашка прыснул:

— Во барышня! Без веера шагу сделать не можешь! — Он потянул сестру за руку. — Пойдем за лимонадом да на речку.

В новеньком бревенчатом доме оказался магазин. Когда Глаша с сестрой были здесь прошлый год, на этом месте стоял сгоревший сарай, а теперь вон магазин отстроили.

Вчера утром родители привезли Глашу и Аксютку к двоюродному дядьке в деревню, а сами, приняв на дорожку по стопке самогона, на два месяца уехали в тайгу. И хотя в деревню сестры ездили каждое лето, без родителей оставались впервые, и Глаше было мутно и беспокойно. А когда дядька Трофим со смехом пообещал отцу сосватать ее за какого-нибудь видного паренька, стало совсем уныло. Глаше шел семнадцатый год, и расспросами о женихах не допекал только ленивый. Она отшучивалась, отмахивалась и все время проводила в книжках. Здесь читать не давал Сашка. Стоило родителям уехать, как он почел своим долгом провести сестре экскурсию по всем трем деревенским улицам, изрядно сдабривая рассказ залихватскими ругательствами и байками, кои от безделья местные сложили о каждом кривом сарае.

— Вон, гляди, мазанка, в землю вросшая. Да не так гляди, а исподволь, ну, как бы не глядя. — Сашка дернул сестру за рукав и показал в сторону низенькой, по самые ставни ушедшей в землю избенки. — Это ведьмина мазанка. Ведьма старая там обитает. Злющая старуха: не так посмотришь — порчу наведет, а слишком близко пройдешь — так и вовсе умом тронешься. Что улыбаешься? Не веришь? А ты Вадьку Рыбнина помнишь? Он прошлый год ходил у ней огород полоть и какую-то ее

ведьминскую траву нечаянно выдернул. Так старуха ему мало что за работу не заплатила — такую порчу навела, что он совсем дурным сделался. Сидит да в одну точку глядит целыми днями. Как есть debil.

Вадька Рыбнин по зиме снег с крыши скидывал, упал и головой приложился так, что и в самом деле умом повредился. Ефросинья Ильинична (так звали старушку из мазанки) там и рядом не стояла, да только с братом спорить толку не было, и Глаша кивнула и послушно перешла на другую сторону улицы.

— Ну и зачем ты девушку этими сказками пугаешь, Александр? — Калитка сзади скрипнула и словно нехотя выпустила молодого парня с мягкими, ласковыми чертами лица и удивительно спокойными черными глазами.

— И вовсе это не сказки. — Сашка попятился, закрывая собой сестру.

Парень улыбнулся и вздохнул:

— Ты бы лучше ей про птиц местных рассказал да про ягоды, чем пугать попусту.

— Я за нее отвечаю, мне и решать, что важнее рассказывать, — огрызнулся мальчишка.

Сашка Яхонтов был на два года младше Глаши, но по праву хозяина почитал себя главным. Глаша не спорила, слушала вполуха рассказы про гиблый сарай на заброшенной ферме, про русалок, ведьм и шабаш в перелеске да оглядывала окрестности, прикидывая, куда бы здесь забраться с книгой, чтобы хоть пару часов никто не трогал. Но злоба, с которой брат загородил ее от случайного прохожего, вернула Глашу

к реальности и заставила внимательнее приглядеться к их собеседнику. Среднего роста, русый, лет на пять старше Глаши. От всех, кого она встречала здесь до этого, парня отличали глаза — умные, внимательные, с грустной иронией разглядывающие всхорохоренного, точно воробей, Сашку. Глаша знала здесь каждого: немудрено, деревенька маленькая, наполовину брошенная, и народу тут едва больше пары сотен. Парень был нездешний, но смутно знакомый. Он ласково улыбнулся Глаше и, не обращая больше внимания на Сашку, подошел к ней:

— Не бойся, они всех городских этими байками кормят.

Сашка насупился, но возражать не стал, а незнакомый парень все глядел на Глашу темными, точно гудрон, глазами из-под русых бровей.

— Они и меня первые недели пугали, а потом надоело. Я Глеб, врач. Здесь на практике от института.

— Глафира, — буркнул Сашка и с вызовом посмотрел на врача. — Сестра моя.

— Да уж знаю, что сестра, — улыбнулся Глеб. — Второй день вся околица только и шумит как о барышнях городских, что к Яхонтовым приехали.

Глаша покраснела и опустила глаза. Было что-то насмешливо-пренебрежительное в этом «барышни», как окрестила их с Аксюткой местная молодежь. Самое обидное, что Глаша понимала и нехотя и тайком от себя принимала это прозвище. Тринадцатилетняя Аксютка не принимала, но она и не была барышней: чуть родители уехали, унеслась с Егором (Сашкиным братом,

на год ее младше) и пацанами на речку, притащила тетке Варваре полное ведро раков, а потом с тою же шумной компанией ушла в поле стрелять голубей.

«Это наша! — одобрительно хлопнул ее по плечу дядька Трофим, обгладывая вечером голубятину. — И никакая не барышня».

Глаша с родителями просталась тяжело, а когда вернулась в дом, даже заплакала, чем рассердила тетку Варвару и удивила Сашку. Ей было тоскливо и тесно в деревне; из всего, что так влекло сюда Аксютку, Глаше нравилось только название: Ведьмина роща. Но и оно теряло всякий шарм, стоило взглянуть на три обтрепаннные березы за старым мостом, которые местные и величали ведьминой рощей.

— Подвезти вас до дома? А то, смотри, барышня все ноги по вашим ухабам сбила. — Глеб кивнул на заляпанные кровью босоножки. — Погодите только немного, я к Ефросинье Ильиничне загляну, лекарства ей занесу, да и поедем.

Сашка недобро посмотрел на врача и совсем загордил сестру.

— И вовсе она не барышня, а наша! Сейчас грязь смоем в речке и пойдем домой. А ты шел бы к своим больным, Глеб Харитоныч.

Врач усмехнулся:

— А сама-то «небарышня» что скажет?

Глаша пожала плечами. Сашка был парнем веселым и общительным, ни с кем всерьез не цапался, и то, как реагирует он на молодого врача, ее удивило. Ссориться с братом в первый же день она не хотела,

поэтому, когда он взял ее за руку и потащил к реке, Глаша послушно, точно корова, поплелась следом.

— Почему ты с ним так? — Глаша поморщилась, отлепляя от ног покрытые грязью и кровью босоножки.

— Нехороший он человек, — косясь в сторону ведьминой мазанки, сплюнул Сашка. — Ходит, зубы всем заговаривает, а толком спросишь, так молчит. Мудреный шибко.

Глаша тихо фыркнула.

«Оттого и молчит, что глупости спрашиваете. Чем он вам корову вылечит от сглаза, если она жива-здоровая, мычит и доится и ни про какой сглаз не ведает?»

В прошлом году старый врач, Петр Сергеевич, после пятой такой просьбы сбежал из деревни в город, и Ведьмина роща зимовала без медиков. В это лето прислали студента...

«Хорошо, что только на лето, — с тоской подумала Глаша. — А то и его замучают. А он вроде умный парень, взгляд добрый такой».

— Чего смеешься? Не веришь? — Сашка сердито плеснул в сестру речной водой. — Вон вечером к костру пойдем, послушаешь, что люди говорят. Все. Хватит на земле сидеть, отстудишь себе все, а я виноват буду. Пошли домой.

Глаша вытерла ноги о траву и со вздохом влезла в узкие босоножки. Всю дорогу до дома Сашка молчал, сердито жевал травинки да сплевывал, стряхивая с придорожной травы серую пушистую пыль.

Глава 2

*Только вечер в дом заглянет — убирай широкий гребень,
Не трепи тугие косы, ярку ленту не вплетай.
Не смотри в окно с тоскою — бродит Хожий по деревне,
Коли он тебя приметит, то навеки уж прощай.*

Корова беспокойно сопела и с подозрением поглядывала на девушку. Глаша подставила ведро и со вздохом принялась за дело. Доить корову тетка Варвара научила Глашу еще первым летом, а сейчас это стало ее вечерней обязанностью. Утром доила Аксютка: вставала с петухами, будила весь двор, доила и выгоняла пастись корову, потом влетала к сестре в комнату с кружкой парного молока и краюхой свежего хлеба, забиралась рядом на кровать и захлеб рассказывала, какая нынче зорька была чудесная. Глаша жевала хлеб, запивала теплым молоком, смотрела на сереющее небо и думала о том, что лучше бы она поехала с родителями в тайгу.

Сестры жили в деревне уже неделю, и с каждым днем Глаше становилось все муторнее и беспокойнее. Обложившие небо тучи давили на грудь, точно верблюжье одеяло, которое выдала ей тетка и которое неизменно отсыревало к утру и начинало уже просто душисть Глашу. Днем почти постоянно моросил мелкий холодный дождик, и выходить из дома не разрешалось. Да и некуда тут было выходить: все три улицы они с Сашкой обошли в первый же день, речка, что текла за забором, была глубокая и быстрая, и купаться в ней никто не решался, а в деревенском клубе шел ремонт. Не сказать, что Глашу все это хоть сколько-нибудь прельщало, но всяко лучше, чем сидеть без дела да ждать, когда вернется корова.

Глаша уже перечитала все книги, что взяла с собой и нашла в доме Яхонтовых, и очень огорчилась, узнав, что библиотека, в которой, правда, не водилось ничего, кроме «Сельского пахаря» да детских сказок, по весне сторела. От безысходности она даже подумывала начать записывать местные байки про Хожего, но тетка Варвара, когда услышала об этом, заругалась и сказала, что если Глаше нечем заняться, то нагрузит ее домашней работой. И нагрузила. Глаша мела полы, мыла посуду, пекла хлеб и пироги и пару раз даже взбивала масло. И неизменно доила корову.

Даже с мытым выменем корова пахла неприятно, вокруг нее вились оводы и рой мошек, которые больно жалили и набивались Глаше в волосы, нос и глаза; пальцы быстро уставали доить и болели потом ночами. Но Глаша не жаловалась. Во-первых, ей было

жалко тетку, которая одна управлялась с хозяйством, кормила и поила мужа, двух сыновей, а теперь еще и двух «подкидышей», как в шутку называл их дядька Трофим. Во-вторых, хоть что-то делать было лучше, чем смотреть телевизор с двумя каналами или щелкать семечки, пытаясь шкуркой попасть в ползающую по столу муху (так обычно проводил время дома Сашка). И в-третьих, жаловаться тут было попросту некому: тетка Варвара весь день крутилась дома и в огороде, ей было не до тоски и меланхолии (Глаша сомневалась, что она и слова-то такие знает); дядька Трофим работал посменно, и когда был дома, то либо спал пьяным сном, либо ел, либо смотрел футбол; Аксютка же с готовностью разделяла все развлечения Сашки и Егора: гоняла мух, смотрела мультики, играла в приставку и собирала в ведро дождевую воду. Гости заходили редко и с Глашей мало разговаривали, только смотрели да посмеивались. А Глаша доставала из печи хлеб и шла доить корову.

— Идете нынче? Небо вроде ясное, — спросила тетка Варвара, когда Глаша с Сашкой притащили и бухнули на стул ведро молока.

Сашка глянул за окно и поморщился:

— Неохота в грязи сидеть. Да и не придет никто.

Глаша, воспрянувшая было при мысли, что можно будет выбраться из дома, тихо вздохнула и пошла включать сепаратор.

— Это с каких пор тебе грязно сидеть у костра? Раньше вон не загонишь по темноте домой, а теперь точно окопался. Два раза уже костер пропускали. —

Варвара оттеснила Глашу от сепаратора. — Глафира, иди одевайся.

Глаша благодарно улыбнулась тетке и бегом бросилась в комнату. Неужели она хоть куда-то выйдет из этих стен?! Только бы Сашка не заупрямился! Глаша уже начинала всерьез опасаться, что так и проведет все лето не выходя из дома.

— Не пойду я с ней на костер, — ворчал на кухне Сашка. — Засмеют.

— Не засмеют. Вся деревня только и ждет, когда ты им сестру покажешь, а ты сидишь да ворчишь, как дед. Ты не пойдешь — я ее одну отправлю. — Варвара в сердцах бухнула на стол тяжелое ведро. — Совсем девка истосковалась по свету божьему. Надо, надо ей в люди выйти, себя показать, парней наших посмотреть да девок подзадорить.

Не успели они закончить препираться, как Глаша уже выскочила в кухню. Тетка Варвара усмехнулась:

— Ишь, скоро как собралась. Куртку накинь и сапоги резиновые на ноги, тут тебе не проспект. И волосы прибери, чего патлатая ходишь.

Сашка окинул сестру сердитым взглядом и со вздохом открыл дверь:

— Ну пошли, что ли, раз собралась. Да только смотри, наши любят страшилки-то рассказывать, ты мне потом ночами не реви!

Глаша одарила брата удивленным взглядом и, вскинув голову, вышла в сени.

— Точно барышня! — прыснула вслед Варвара.

На берегу уже горел костерок, вокруг сидели и толпились парни и девушки. Стоило Сашке с сестрой показаться из-за поворота, вся толпа разом затихла и повернулась к ним. Вперед выступил широкоплечий рябой Кондрат, главный хулиган и задира на деревне, но в целом парень незлобный и работающий. Кондрату шел двадцатый год, и он работал на лесопилке в соседнем селе за пятнадцать километров от дома.

— Привел-таки барышню... — перекатывая травинку с одной стороны полубеззубого рта на другую, усмехнулся Кондрат и принялся оглядывать Глашу. — А ничего телочка, дойная.

Глаша с трудом пыталась сдержать румянец и упорно смотрела рябому прямо в глаза. Если она сейчас даст слаbinу и покажет, что обиделась, все лето ее будут шпынять и плевать за след. И Сашка, который теперь, насупясь, стоял в сторонке, ей не поможет. Она здесь чужая, и портить отношения с ребятами из-за нее брат не станет.

— Чего принесла на этот раз? Яблочек? Орешков? — Кондрат подошел ближе и попытался схватить Глашу за задницу, но та увернулась, достала из-за спины пакет чипсов и блок сигарет и бросила к костру.

Рябой хмыкнул, оценивающе осматривая «откуп». Все затихли, ожидая вердикта. Кондрат перевернул ногой блок сигарет, всмотрелся в упаковку и расплылся в одобрителной улыбке:

— Во, барышня ученая, сразу видать. — Он распахнул объятия и совсем по-доброму посмотрел на

Глашу. — Ну здравствуй, Глафира Батьковна! Да иди, не бойсь, не обижу.

Глаша с облегчением выдохнула и позволила прижаться себя к потной вонючей груди. Когда она первый раз приезжала в деревню, про откуп она не знала ничего, но, памятуя своих школьных друзей, привезла целую гору леденцов и жвачек. И была жестоко обсмеяна и изгнана с костровых посиделок. Второй год она привезла чипсов, но этого оказалось мало. В этот раз, понимая, что костры — единственное развлечение на все лето, Глаша подошла к вопросу «откупа» очень серьезно и не прогадала.

— А подросла за год! Похорошела! — Кондрат наконец разжал каменные объятия, давая ей вдохнуть. — Ну, садись, угощайся.

Глаша села на небольшой чурбачок возле костра, и ей протянули фляжку с вонючей жидкостью. Пить это было нельзя, Глаша уже знала. Она поднялась и с негодованием выплеснула содержимое фляги в костер. Все рассмеялись, Сашка с облегчением вздохнул и уселся рядом с сестрой.

Полвечера Глашу донимали расспросами про город. Из всей компании там бывал только Кондрат, и то один раз проездом, но каждую новость, каждую сплетню ловили жадно, точно росу после жаркой ночи. Особый интерес вызывали рассказы о школе: о большой светлой столовой, где на завтрак дают румяные пышки с изюмом, а на обед компот из сухофруктов; о спортивном зале — самом большом в городе, там по весне проходили районные соревнования по баскет-

болу. Здесь школа тоже была: двухэтажное бревенчатое здание с протекающей крышей совмещало в себе детский сад и среднюю школу до девятого класса. Сашкина мать, тетка Варвара, была директором и школы, и сада, она же учила русскому языку, литературе, биологии и истории. Изредка из соседнего села приезжал дед Филимон и учил ребят геометрии и физике, а больше — сушить табак да делать самокрутки. Других предметов в школе не было. Прошлые годы присылали из города на практику молодых учительниц из педуниверситета, но редко кто из них выдерживал здесь больше недели, и последнее время практику в Ведыминой роще прекратили.

Глашу слушали раскрыв рты и округлив глаза, удивленно покрякивали, отшучивались и большей частью не верили. Но рассказы о химии всех прямо взбудоражили, Кондрат даже спросил, учили ли их уже золото варить. Глаша попыталась объяснить, что золото не варят, а добывают из речного песка, но ее только дурой обозвали и сказали, что и учитель у нее дурак, раз таких простых вещей не знает. От этого и от воспоминаний о городе ей сделалось совсем тоскливо, даже слеза выкатилась. Глаша замолчала и сердито отвернулась от костра. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из ребят заметил, будут потом все лето малолеткой дразнить: тем, кого по возрасту и откупу допускали к костру, плакать считалось зазорным.

— Ладно, довольно заливаться. — Кондрат протянул ей бутылку квасу. — На-ка, выпей да послушай наши сказки. Витек! — Он махнул рукой рыжему парню и по-

хлопал по бревну возле себя. — У Витька вон бабка по зиме померла да перед смертью рассказала ему всякого, чего и не знал никто в округе. Про ведьму старую, что в мазанке-то живет. Они, Витек говорит, с бабкой его по молодости дружили.

Рыжий поднялся и перешел ближе. Кондрат протянул ему сигарету:

— Давай рассказывай как есть, потом вторую получишь.

Рассказчик из Витька был неважный. Глаше, выросшей на хороших книжках и умных историях, стоило немалых трудов продираться сквозь бесконечные «вот», «говорю», «говорит», эканья и повторы. Но, с другой стороны, это было хорошо: пытаюсь собрать воедино Витькины слова, она наконец отвлеклась от тягостных дум.

Витькина бабушка, Настасья Петровна, была из долгожителей, которые знают, как пришли к реке ссыльные и стали рыть на берегу землянки, ставить избы да пахать дернину. Родители Настасьи были из тех первых, кто поставили избу на солнечном пригорке и объявили себя главными на селе. Помнила бабка Настасья и то, как лет через пятнадцать после основания деревни (а назвали ее тогда просто Березовой рощей) пришла к ним с соседнего пожарища сирота — девчонка молоденькая, годов десяти, чернявая, синеглазая. Попросилась пожить до весны, никакой работы не чуралась, тихая да кроткая была, и народ приютил сиротку, отдал ей пустую мазанку, что осталась от умершей от тифа семьи кузнеца. Девчоночка

оказалась рукастая да травам обученная, знала, что от какой хвори помогает, в помощи никому не отказывала. Полюбили люди Ефросинью (так она назвалась) да и оставили в деревне жить. И хорошо зажила Березовая роща: на солончаках хлеба родились, скотина была крепкая и плодovitая, и народ болезнями почти не мучился. А если и приключалась с кем беда, Фросюшка, точно почуяв, сама приходила да выхаживала, вымаливала хворого.

И продолжалось так лет пять или семь, покуда не выросла из девочки Фросюшки красавица писаная. Волосы, точно смоль, черные, глаза лазоревого яхонта ярче, статная да ладная. И пошли сваты на двор ее один за одним, но не принимала никого Фросюшка, всем шутками да прибаутками отказывала, а причины не называла. Известное дело, чужое счастье глаз режет. Обозлились девки, что парни все у Фросиных ворот, да сговорились не на шутку. Позвали Ефросиньюшку с собой по ягоды в лес, накинулись на нее всей оравой, бить да за косы трепать принялись. Уж и плакала, и молила их Ефросинья, но девки точно умом повредились, нипочем отпустить не хотели, грозились косы ostrичь, если еще кого у ворот ее увидят. Налетел вдруг среди ясного дня ветер яростный, принялся девок ветками по рукам хлестать, следом птицы лесные кинулись, кому глаз выклевали, кому косу подрали. Испугались девки, бросили Ефросюшку да кинулись прочь.

И разнеслась по деревне весть, что Ефрося — ведьма, что сам Лесной Хозяин за ней присматривает. Стали люди косо на нее поглядывать да через левое

Оглавление

<i>Глава 1</i>	4
<i>Глава 2</i>	11
<i>Глава 3</i>	25
<i>Глава 4</i>	37
<i>Глава 5</i>	51
<i>Глава 6</i>	62
<i>Глава 7</i>	77
<i>Глава 8</i>	88
<i>Глава 9</i>	101
<i>Глава 10</i>	113
<i>Глава 11</i>	123
<i>Глава 12</i>	137
<i>Глава 13</i>	150
<i>Глава 14</i>	161
<i>Глава 15</i>	176

Глава 16	188
Глава 17	200
Глава 18	210
Глава 19	221
Глава 20	234
Глава 21	245
Глава 22	255
Глава 23	269
Глава 24	279
Глава 25	289
Эпилог	302
Приложение	304
Песни Ведьминой рощи	304
Материалы, использованные при работе над книгой	316

Литературно-художественное издание

Абрамкина Елена

ВЕДЬМИНА РОЩА

Ответственный редактор
Выпускающий редактор

В. Атамашкин
Г. Логвинова

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50
Изготовлено в России. Дата изготовления: 08 .2023.
Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
Филиал «Дом печати – ВЯТКА»
Юридический адрес: 115054, Россия,
г. Москва, ул. Валовая, д. 28
Фактический адрес: 610033, Россия, Кировская область,
г. Киров, ул. Московская, д. 122